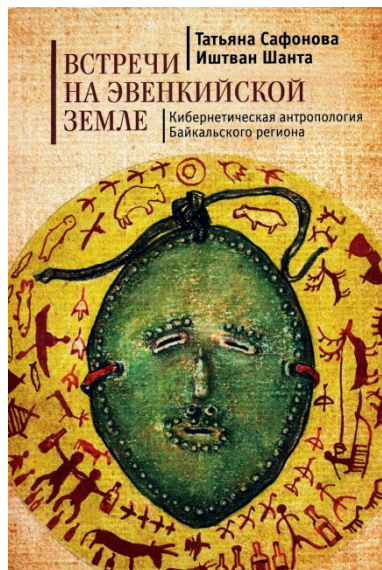

Сафонова Т., Шанта И. *Встречи на эвенкийской земле: кибернетическая антропология Байкальского региона.* – СПб.: Алетейя, 2013. – 176 с.: ил. ISBN 978-5-91419-889-0 (Функ Д.А.)¹

Книги, читающиеся на одном дыхании, все еще большая редкость в отечественной этнологии / социальной антропологии и потому представлять рецензируемую монографию потенциальным ее читателям доставляет особое удовольствие. Но сначала несколько слов о ее авторах. Книга «Встречи на эвенкийской земле» стала плодом многолетнего сотрудничества и, я бы сказал, со-творчества семейной пары социальных антропологов: россиянки Татьяны Сафоновой и венгра Иштвана Шанты. За период с 2007 по 2012 год ими был издан почти десяток статей на английском и немецком языках в профессиональных академических журналах и, по меньшей мере, пара глав в коллективных монографиях. На русском языке публикаций этих авторов, признаюсь, не видел, да и эта книга — книга-близнец венгерской и английской ее версий (см.: Sánta, Safonova 2011; Safonova and Sánta 2013).

Книга «Встречи на эвенкийской земле», в первую очередь, конечно же, об эвенках, но не только и даже, наверное, не столько. При чтении особо выделяется несколько пластов мыслей и материалов. Прежде всего, это подчеркнутое стремление авторов отказаться от каких бы то ни было заранее спланированных поисков ответов на стандартные, заранее заготовленные вопросы. Уже в начале книги Сафонова и Шанта

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.В25.31.0009).

четко оговаривают это: хотели собирать материалы по шаманизму у эвенков, но не нашли этот феномен и потому стали наблюдать иные стороны жизни людей; хотели исследовать взаимодействие инспекторов заповедника с браконьерами, но в итоге обнаружили, что не могут отделить первых от вторых; хотели, наконец, вести длительные стационарные полевые исследования, но вскоре осознали, что понять культуру, находящуюся в движении (а «классические» эвенки — один из классических примеров такой культуры), оставаясь на одном месте, просто невозможно (с.8). Отсюда и столь дорогие мне пассажи о так называемых ошибках антрополога в поле, точнее о невозможности сделать таковые ошибки, если ты соблюдаешь основное условие полевой работы — не пытаешься собрать в поле иллюстрации к чему-либо, что ты хотел там найти или же, на всякий случай (дабы гарантировать успех «поля»), сам туда при(в)нес. Книга в итоге оказалась наполнена мыслями и чувствами/эмоциями авторов, их переживаниями, которые Сафонова и Шанта постарались донести до читателей, как они сами пишут, «с наименьшим возможным искажением». Отсюда и используемый ими термин — *неиллюстративная этнография* (с. 7).

Еще одна важная характеристика представляемой работы — чрезвычайно высокая степень обобщения, теоретического осмысления при максимально возможной в такой ситуации близости к первичным полевым материалам. Теоретическая планка была задана обращением к трудам выдающихся антропологов XX столетия Грегори Бейтсона и Маргарет Мид с их попыткой использовать идеи кибернетики в одном из проектов, о котором теперь не очень любят вспоминать историки науки. По мнению авторов книги, такой подход позволяет увидеть мир не в статике, а в динамике, «полным движения, процессов», тот мир, в котором «идентичности становятся лишь рисунком на поверхности воды, подвижным и временами непредсказуемым» (с.5). И этой динамикой оказалась наполнена вся книга.

Структурно работа показалась мне, скорее, единым целым, чем набором очерков (их в книге семь, но они названы почему-то главами). Авторы начинают свою книгу с очерка «Компаньонство и показуха: большая вода, медведь и ежегодный обряд» (с.21-47), а заканчивают ее очерком «Ходячий разум: связи между эвенкийской землей, компаньонством и личностью» (с.143-169), тем самым как бы вызывая у читателя ассоциации с хорошо построенной лекцией для студентов или, скажем, с фольклорным жанром обрамленной повести (как в знаменитой «1001 ночи»). Все очерки, оказавшиеся «внутри», можно рассматривать как наполнение уже заявленных идей новыми, дополнительными смыслами и, собственно говоря, порядок подачи этих очерков-«глав» здесь становится не столь уж важным. Действительно, очерки о взаимодействии эвенков с властью (с.48-67), с эвенками же (с.68-87)

или людей с собаками (с.88-103), равно как и очерки о взаимодействии эвенков с бурятским (с.104-123) или китайским этосом (с.124-142), вполне могли идти в каком-либо ином порядке и это, уверен, не нарушило бы – в итоге – целостную картину эвенкийского общества (может быть, не общества, как некоего целого, а временных компаньонств?), каким его увидели и нарисовали нам авторы книги.

Последняя оговорка не случайна. Порой эта кибернетическая картинка (по сути это попытка описания того, как (само)управляется наблюдаемое авторами общество и как в нем циркулирует информация) кажется уж чересчур цельной и вместе с тем (поэтому?) все же какой-то абстрактной, вне времени и пространства. Да, в целом ясно, что речь идет о постсоветском времени, но о каких годах? Они были все же разными. Да, понятно, что это Байкальский регион, но ... где именно? Да, это «эвенкийская земля», но ... это, пожалуй, одна из самых неудачных метафор в этой книге: с некоторой долей натяжки так можно обозначить большую часть территории к востоку от Уральского хребта. Авторы осознанно не пытались искать в поле то, что «планировали», они просто были в поле и наблюдали жизнь людей. И именно это позволило им насытить свою публикацию массой великолепных, потрясающе точных наблюдений. Но вместе с тем книга получилась об эвенках, как если бы это было некое единое целое, при том, что условия жизни и взаимодействия с окружающим миром у разных групп эвенков, насколько я могу судить и по литературе и по своему небольшому опыту полевых наблюдений в гг. Москве и Якутске, в больших поселках и маленьких деревнях на Сахалине и в Эвенкии, все же существенно разнятся. И если где-то эвенки по-прежнему держат оленей и даже кочуют, то в случае, описываемом Сафоновой и Шантой, остается неясным, почему надо обязательно двигаться вслед за «постоянно передвигающимися» (с.8) людьми, если это не оленеводы? И почему вдруг эвенки «Байкальского региона» – наши современники, живущие в поселках и не кочующие с оленями – без каких-либо объяснений вдруг определяются как «эгалитарное общество» (напр., с.72-73)? Зачем авторам понадобились такие обобщения и штампы?

Это даже не замечания, и уж конечно не упреки. Сафонова и Шанта завершают книгу великолепным, полным осмысленной рефлексии пассажем о том, что они «изучали не культуру людей, которых называли эвенками, но ситуативную культуру, создаваемую в момент столкновения людей с эвенкийской землей и нами самими, пока мы оставались на этой эвенкийской земле» (с.172). Мне сложно судить о «столкновении людей с землей», но в основном этот подход имеет право на существование: мы, безусловно, способны наблюдать лишь ту часть культуры, которую нам демонстрируют в момент нашего пребывания в некой точке пространства (или просто в ответ на нашу «провокацию» в случае, если мы пытаемся понять людей, которых не всегда можем видеть, как,

скажем, в случае изучения Интернет-сообществ). Все верно, но откуда же тогда излишняя генерализация и априори нагруженные (или, наоборот, ненагруженные) некими смыслами штампы? Думается, что вся книга получилась как некая провокация, как попытка не просто заставить читателя задуматься над новыми подходами к наблюдению и описанию человеческих культур, но также и над тем, а насколько имеющийся в нашем распоряжении терминологический аппарат адекватен наблюдаемым нами феноменам, насколько мы можем или не можем отказаться от привычных нам штампов, когда погружаемся (думаю, именно так, не едем, не идем, а погружаемся) в поле и когда мы пишем о нем.

Я начал свою рецензию с того, что сказал, что эта книга читается на одном дыхании. Да, так. Но это не означает, что чтение окажется легким. Вдумчивый читатель, в первую очередь, наверное, антрополог, будет читать и перечитывать отдельные главы или страницы, порой даже абзацы. Перечитывать, сравнивая с собственным опытом погружения в ту или иную культуру и восклицая порой «Не верю!» или же «Смотри-ка, и как я до этого не додумался!?» И в этой провокации на размышления – одно из главных достоинств книги Татьяны Сафоновой и Иштвана Шанты. Но не в меньшей степени книга будет полезна тем, кто лишь начинает свой путь в профессию антрополога. Она одна способна заменить толстые хрестоматии по полевой этнографии и потому, думаю, вполне может быть включена в списки обязательной литературы для всех, кто изучает антропологию.

Д.А. Функ

Московский государственный университет,
Томский государственный университет

Литература

Safonova T. and I. Sántha. Culture Contact in Evenki Land. A Cybernetic Anthropology of the Baikal Region. Leiden, Boston: Global Oriental, 2013. 196 pp. (Inner Asia Book Series, Vol.7)

Sántha I., Safonova T. Az evenkik földjén. Kulturális kontatusok a Bajkál-vidéken. (In Evenki Land. Culture Contact in the Baikal Region). Balassi Kiadó, Budapest, 2011. 237 p.

Рецензия поступила в редакцию 26.05.2014 г.

Funk Dmitriy A., Moscow State University (Moscow, Russia), Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Review of Safonova T., Sántha I. Vstrechi na evenkiiskoi zemle: kiberneticheskaia antropologija Baikal'skogo regiona (*Meetings in Evenki Land: A Cybernetic Anthropology of the Baikal Region*). St.-Petersburg: Aleteia, 2013. 176 pp. ISBN 978-5-91419-889-0.

References

Safonova T. and I. Sántha. Culture Contact in Evenki Land. A Cybernetic Anthropology of the Baikal Region. Leiden, Boston: Global Oriental, 2013. 196 pp. (Inner Asia Book Series, Vol.7)

Sántha I., Safonova T. Az evenkik földjén. Kulturális kontatusok a Bajkál-vidéken. (In Evenki Land. Culture Contact in the Baikal Region). Balassi Kiadó, Budapest, 2011. 237 p.